



Ксюша Иванова

Свет очей моих...

«Литнет»

2020

Иванова К.

Свет очей моих... / К. Иванова — «Литнет», 2020

Встретить свою судьбу можно во время гуляний молодежи на деревенской улице. А можно в городе - когда с родными едешь на ярмарку. Да только не такова была встреча у Милославы и Данияра. Война и кровь, боль и страх - вот то окружение, вот те события, которые привели двух людей друг к другу! И как верить тому, кто является солдатом чужой, вражеской армии? Да и кому, вообще, верить можно, если в ночном лесу, после победы в битве, даже свои порой хуже чужих... И почему, почему сквозь страх и боль сердце тянется к тому, который уходит, но остается рядом, который хочет ударить, но не смеет поднять руки, который грозит убить, а прижимает бережно и нежно...

© Иванова К., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

1. Милослава. Детство.	5
2. Спасти во что бы то ни стало.	7
3. Данияр.	10
4. Милослава.	13
5. Данияр. Дар солнца.	16
6. Милослава	18
7. Данияр.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

1. Милослава. Детство.

- Прыгай, Милка! Прыгай, я сказал!
- Боюсь. Высоко тут!
- Ничего не высоко! Прыгай! Вода теплая, как молоко парное!

Бреслав нахмурился и шагнул ко мне навстречу. Я знала - догонит, поймает и все равно сбросит с крутого берега, нависающего над рекой, в воду! И хоть боялась, страсть как, все равно зажав нос рукой и зажмурив до боли глаза, прыгнула в реку под довольный хохот брата. Ушла под воду, руку, нос сжимающую, отпустила, водой захлебнулась и, кажется, пошла на дно. Да только обхвачена была крепкими, несмотря на невеликий возраст, руками и вытащена на поверхность.

- Ох, Милка-Милка, горе ты мое! Ты даже в луже утонуть сумеешь! Что ж за девка-то такая, невезучая!

Нащупав пальцами ног дно, я успокоилась и прекратила брыкаться, радуясь теплоте летнему солнышку, украденным у тяжелой работы минутам отдыха и веселому смеху брата.

- Бреслав, ох и влетит нам, ежели хозяин проверить работу явится!

- Он вечером явится, а мы искупаемся, отобедаем и пуще прежнего работать станем! Все сделаем!

Брат был бедовым, смелым. Работал за двоих, порой в действительности, меня, слабую, болезненную, от непосильного труда оберегая. Он и кормильцем главным в семье был с того момента, когда отец помер, дубом столетним, что для хором княжеских срублен был, приваленный. Мать одна с детьми осталась. Бреслав – самый старший, в двенадцать лет стал вместо отца дрова для хозяина деревни нашей заготавливать, в поле работать, за скотиной домашней ходить. И хоть платили ему в разы меньше, чем взрослому, но в ту зиму, самую страшную, когда мать, горем убитая, еще от родов последних трудных не отошла, только брат нас всех от голода и спас.

Вот и сейчас подрядился брат сено косить. Надел ему хозяин большущий дал. А он хоть и мастак был косой-то махать, да – один-одинешенька, неоткуда помощи ждать. Кто же ему поможет, если не я? Рано по утру, отогнав корову-кормилицу в луга на пастбище, я хватала материну косу, краюху хлеба, да кувшин молока и бегом бежала на покос к брату. И хоть ладошки уже к обеду были стертые в кровь, хоть к вечеру не чуяла ни ног, ни рук – все равно радовалась, что с ним рядом, что с каждым днем получается все лучше, а самое главное, прощаясь вечером с братом, тут же на поле в шалаше ночующим, радовалась словам его ласковым:

- Милка, что бы я без тебя делал?

- Бабушка, расскажи! – просила самая младшая из моих сестер Марфуша, и бабушка начинала, несмотря на ворчание матери, что, мол, пугает зазря детей.

- Давным-давно, а когда, мне неизвестно, жила на свете девица, собой красавица, душой пригожая, добрая, да ласковая. И случилось так, что стала она сиротой. Дом ее родительский барин, хозяин земель тех, старосте подарил за службу, а девицу приказал замуж отдать. Да никто из деревенских парней не взял ее – кто и хотел, тому отец с матерью не дали – без роду без племени девица, без приданого вовсе. А на княжество то в пору ту беспокойную ворог лютый набег готовил. Вот и собрал князь всех бояр своих, да и приказал им откуп готовить. А барин-то, что в деревне той хозяином был, в числе других подношений девицу за место рабыни отправил...

Как кружево плелись бабушкины сказки, в узоры слагались. И видела я, пригревшись на печной лежанке, в полудреме будто, как если бы это я в обозе ехала по чужой воле навстречу завидной судьбе. Да только знала я конец сказки – успела изучить да запомнить.

По пути на обоз напали волки, охрану загрызли, а девицу в живых оставили. И были волки те не простые, а самые, что ни на есть оборотни! Ночью зверями дикими становящиеся, а днем в людей превращающиеся. Что сделали они с девицей, никто не знает. Да только люди сказывали, будто в месте том, где обоз с оборотнями встретился, нельзя было ночью находиться - стоны да плач женский на многие версты раздавался окрест...

И воображение рисовало оскаленные волчьи морды, сжавшуюся в ужасе на черной земле девицу с непременно растрепанными черными косами.

2. Спасти во что бы то ни стало.

В лекарне темно – сложенный в углу очаг едва освещает клеть, в которой не протолкнуться от множества раненых.

Я с трудом втащила два больших деревянных ведра и, поставив на лавку, стала доливать воду в котел, висящий над очагом на железной треноге. Стоны, бессвязный шепот, мерзкий запах гниющей плоти... Здесь в наспех сколоченном помещении лежали только самые трудные раненые, большая часть из которых вряд ли сможет на своих ногах когда-нибудь выйти отсюда. Остальные на улице ночевали, под открытым небом. И по негласному правилу чем ближе к очагу размещался несчастный, тем меньше у него было шансов.

Бреслав лежал у самого огня на соломенном тюфяке, брошенном прямо на голую землю. Вторые сутки не отзывался он уже на мой голос. И лекарь, которому в ноги падала и клялась хоть всю жизнь работать даром, только чтобы спас брата, горестно руками разводил – мол, не в его силах что-либо тут поделать! Я и сама уже видела, уже понимала – не зря ведь целых полгода, пока война с мордвой длится, помогала в лекарне, что редко кто выживал после ранения в живот, особенно если внутренности наружу вылезли, особенно если на третий день только нашли воина. Чудо еще, что так долго жизнь брата моего тянется.

Что могла делала – обмывала его, из травяного настоя примочки к ране делала, а между тем другую работу выполняла – воду носила, тряпицы кровавые ото всех раненых стирала, кормила, перевязывать помогала, чтоб лекарь прочь не гнал. А еще печь топила, чтобы не простудить в холодные осенние ночи несчастных.

- Милка! – радостью сердце зашлось – может легче ему стало, раз позвал, раз имя мое вспомнил? Кинулась к постели Бреславовой, с трудом пробираясь меж другими стонущими, спящими, плачущими, упала на колени возле черноволосой головы, обхватила ладонями лицо – никого, дороже брата у меня в мире не было.

- Брат, касатик мой, очнулся!

- Милка, умру я скоро...

- Не говори так! Не смей! Жить будешь!

Сзади кто-то за подол юбки цеплялся – то ли пить просил, то ли в смертной агонии бился – не смотрела, не замечала этого. Разглядывала родные, искаженные болью и огненным пламенем, черты, и плакала, плакала над ним, жизнь свою готовая отдать, лишь бы спасти Бреслава.

- К колдунье пойду! – подхватила, одного только боясь – что как он умирать будет, а я к тому времени вернуться не успею!

- Стой, заполошная, лес-то как сама пройдешь? – хоть глаза Бреслава лихорадочно блестя, да разум его лучше моего хозяину служил своему. Сама знала, что дорога неблизкая, что лес воинами вражескими полон, да и колдунья завсегда цену высокую за помощь свою назначала, а мне-то и дать ей нечего – ни денег, ни мехов, ничего за душой нету. – Да и сама знаешь, не верю я в ее помощь-то! А разве тем, кто не верит, поможет колдовство?

Долго сидела я возле Бреслава, хоть душа на части рвалась, заставляя делать что-то, спасать его, несмотря ни на что! А потом, когда вновь в беспамятство впал, встала, под тюфяком его плат свой нащупала, голову обвязала по-бабьи, и решительно к выходу пошла.

- Милослава! Куда это ты, на ночь глядя? В лес никак собралась? – лекарь, старый Ратмир, добрый, вечно усталый, согнутый от старости и бед, уже на выходе окликнул. – Гроза скоро начнется. Да и темнеет уже!

- Дядька Ратмир, умрет он скоро!

- Все мы умрем, девка, что уж!

- А есть что-то, помочь ему, спасти, способное?

- Да кто ж его знает? На все воля Божия!

Лекаря окликнули – кто-то изнутри позвал, то ли раненый, то ли Рогнеда, помощница его. Он взглянул из-под кустистых бровей, всплеснул руками и споро, словно молодой, побежал в клеть.

Что же делать-то? Как быть? А может, к князю пойти? Сражение-то, как вчера утихло, так и не начиналось еще вновь! Пирует, должно быть, в шатре своем, не смотри, что враги верх одержали! А вдруг за Бреславовы заслуги смилостивится, да и пошлет со мной воина с мечом? С такой защитой я вмиг бы лес проскочила, да если еще и на коне, то к утру бы точно к дому колдуньи вышла.

Хоть и была я в тех местах всего раз, да и то в детстве, но лес-то свой привычный, вдоль и поперек исхоженный – все пути-дороги знаю, и ночью найду ту тропинку темную, буреломом со всех сторон заваленную, которая к избушке старой Магды ведет!

Так рассуждая сама с собой, чуть ли не бегом бежала я в сторону, где лагерь князев разбит был. И казалось мне, иначе и быть не может, чтобы князь отказал мне в такой просьбе – он же, как отец нам всем, детям его названным. Так матушка с детства учила. Дважды окликнули меня дозорные, что вокруг лагеря ночью стояли, да услышав голос и имя, молча пропустили. За полгода, кто из них только в лекаРНю не приходил – то ли по ранению, а то ли съев что испорченное. И меня, вслед за братом в поход увязавшуюся, как лекареву помощницу, запомнить хорошо успели.

Высочив на поляну, очутилась я прямо у костра. Огляделась – и шатров множество, и воинов – видимо-невидимо. И меня заметили:

- Ой, девка! Сюда-сюда, к нам иди! – донеслось от одного костра.

Тут же кричали с другой стороны поляны:

- Нет! К ним не ходи! У нас лучше тебе будет!

А когда за руку потянули куда-то вбок, к шатрам ближе, не чувствуя в них, в наших родных смоленских воинах опасности, улыбаясь им, просила:

- Покажите, как к князю пройти! Очень он мне нужен!

Но смеялись они, весело переглядывались, и чудилось мне, что не такие они, какими в лекаРНю приходят – добрыми да ласковыми. Опомнилась уже у костра, с чашкой деревянной в руках. А из чашки той – запах неприятный, резкий едет. Хмельное что-то! Пыталась отказаться, да не тут-то было! Батюшки мои, да я ж здесь одна девушка-то, и целое войско мужиков! Стало страшно, как если бы в стане врага вдруг оказалась. Пыталась успокоить себя мыслями о том, что это же – свои, нашенские, может, рядом есть даже кто-то с посаду, или даже с нашей улицы. Да что-то уж слишком нахально рука бородатого, черноволосого, что по правую сторону от меня сидел, за плечи обнимала!

- Так что ты, девка, здесь, среди нас ищешь?

- Князя.

- А зачем он тебе?

Одно дело – князю о печали моей рассказать, а другое – целой толпе пьяных мужиков. Но делать нечего, пришлось рассказать.

- А князь-то здесь причем? Чем он поможет? Такова доля наша, солдатская – за землю свою погибать.

Хотела, да побоялась сказать, что к ведьме пойти хочу – многие осуждали подобное.

- Да может, чем и поможет князь...

- Да занят князь! – смеялись от другого костра. – Утешает его такая, как ты, после трудной битвы!

А другой добавлял:

- Да ты пей, пей давай! Еще нальем!

Понюхав еще раз то, что налито мне было, с отвращением отодвинула от лица и поставить хотела, да чьи-то руки со спины вдруг кружку эту схватили и к губам моим поднесли. Головой

я в грудь наглецу упиралась, и как ни зажимала губы, под смех товарищей, часть медовухи в рот попала, другая же – потекла по шее, по платью моему. Это было обидно и страшно, а еще понимала я теперь, что никто меня к князю вести не собирается, и самой ноги уносить отсюда надобно!

Но и уйти было боязно, как в воду с обрыва прыгнуть – кто его знает, что делать они будут, если я попытаюсь сбежать.

3. Данияр.

- Зря, ой, зря, мы ввязались в это дело! Не стоило ехать, Данияр! Князь Смоленский - человек хитрый и ненадежный! Юлит он! Выворачивается! Где это видано, чтобы тебя, наследника великого княжества Черниговского, обмануть пытаться! Да ему нужно ноги твои целовать, что сам, лично, сюда к нему, на землю, войной объятую, приехать решился!

Горан, словно ужаленный, взад-вперед носился по поляне. Золотые кудри его развевались от ветра, им же самым и создаваемого. С сухой ели, лежащей поперек поляны, на которой я чинил свой сапог, порванный в болоте (и занесла же нелегкая!), мне казалось, что он разозлен поведением князя Смоленского гораздо больше меня.

- Угомонись, Горыныч! Лучше погляди, куда эти олухи сушняк собирать пошли? Не напоролись ли на мордву? Мечи побросали, будто на прогулку в цветочный сад Любицы отправились!

- Данияр! О чем ты? Не о том беспокоишься! - друг встал, как вкопанный, с обидой глядя на меня. - Он отказался от нашей помощи! Сам же гонца присылал к отцу твоему! Ой, нечисто здесь! Ой, беда будет!

- Сам ты и накличешь беду, окаянный! Огонь лучше разведи - вот веток с ели этой отломать можно.

Всем хорош был Горан - и умен, и воин отважный, сильный, и на коне скакал лучше всех в войске. Да только очень уж легко из себя выходил - вспыльчив, да заносчив был сверх меры! Вот и на князя, когда тот решение свое объявил - нас восвояси, несолоно хлебавши отправляя, чуть с мечом не бросился! Понимать нужно, насколько опасно это - у Радомысла войско, в схватках закаленное, под рукой, а мы вчетвером всего лишь, да на чужой земле!

Меня же не обида на князя мучила, а мысль о том, почему вдруг так слово свое изменить он решился. Радомысла - князя земель Смоленских, и отца моего - Славомира Черниговского, связывала давняя клятва. Была она еще их отцами произнесена. Я сам в те сказки не очень-то и верил, да мать настаивала, будто поклялись они в дружбе и посильной помощи особым образом - обещание кровью общей закрепив. Будто бы есть на окраине княжеств наших, в том месте, где по общей границе овраг глубокий идет, место чудное - что ни скажешь там, о чем ни подумаешь, навека скрепится, навсегда так и будет. Если мужчина поклянется в верности женщине - на другую вовек не взглянет. А если военный союз заключен будет - расторгнуть его нельзя, пока хоть единственный воин из войска любого жив будет. Там клятва дана была! Князья клялись набеги друг на друга не совершать и помогать, если нападет кто из соседей. И были случаи! И помогали ведь! И сами жили мирно - видать действовало обещание то!

Вот и в этот раз, когда вспыхнула пламенем усобица между мордвой и радимичами, Радомысл грамоту в Чернигов прислал - помощи просил, о клятве упоминая. И войско наше готово было. Да только там, где встреча была уговорена, не ждали нас, хоть князь Радомысл и обещал сам, лично явиться.

Взяв троих воинов, переодевшись простым солдатом, я отправился сюда, к князю с ответной грамотой от отца и речью заготовленной. Радомысл же смотрел странно, говорил удивленно, будто бы помощь не просил, будто бы нас к себе не звал. И пригрозил даже, что ежели не покинем земли его, сразу после того, как мордву разобьет, на нас войной отправится!

Верилось мне и не верилось, что подобное случиться могло! С одной стороны, клятву ту деды давали - о своих поступках, о своих делах обещали. Так, вроде бы, дети и внуки за них - не ответчики! С другой, подлость людская, ради выгоды, любую клятву забудет.

Одно настораживало - разведчики наши, в дозор посланные, докладывали, будто радимичи поражение потерпели в последней битве. А значит, подмога Радомыслу позарез нужна была! Если так, да если еще грамоту припомнить - лежит ведь она, у отца в сундуке поход-

ном - неясно, что заставило его отказаться от нашей помощи. Разве что другой, более сильный помощник?

Так я размышлял, рукоятью меча забивая маленькие щепки в край сапога. Есть хотелось так, словно век голодал! Оглянулся вокруг - Горана что-то давно не слышно. И с удивлением понял, что не так, иначе все, чем несколько минут назад стало. Тишина удивительная - ни птичьего щебета, ни стрекотания кузнечиков.

Как будто почувствовал - резко голову вправо повернул и увидел, как из кустов, что черным густым поясом окружали поляну, в мою сторону шагнули волки. Сапог улетел куда-то за дерево - времени обуваться уже не было. Перехватив сподручнее меч, прикрывшись им от опасности, я внимательно рассматривал приближающихся зверей.

И странным мне казалось, что лошади, оставленные на другом конце поляны пастись, не рвутся, не ржут, и не видно их вовсе, как будто исчезли, растворились в тумане. А ведь волков кони за версту чуют должны! Да и сумерки как-то слишком уж быстро, слишком уж неожиданно, спустились, да каким-то маревом, туманом белесым, накрыли лес.

Что за звери такие странные - глаза, словно уголья из костра? Да и больше волков обычных, не раз встречавшихся мне в лесах черниговских! Вот ведь - животные, а мыслят, словно люди! Троица длинноногих, поджарых волков разделилась и начала обходить меня. Медленно, следя за каждым движением, шаг за шагом сужали кольцо. За спиной, в двух шагах позади меня, - ствол ели тот самый, поваленный. Для человека - преграда, а для них? Перепрыгнут и не заметят! Да где же Горан? И Томила с Некрасом куда-то запропастились!

Хотелось крикнуть, позвать на помощь. Да только что-то непонятное, жуткое, словно лапой когтистой сжавшее сердце, не давало.

И вдруг, словно удар по затылку - голос в голове:

- Дар солнца, опусти меч!

Забыв о волках, я заметался взглядом по поляне, ожидая увидеть где-то поблизости того, кто говорит со мной.

- Опусти меч и слушай! - подчиняясь какой-то догадке, озарению, я перевел взгляд на одного из волков и уставился прямо в его желтые, казалось, сверкающие, в сумерках глаза. - Да! Все верно. Ты правильно понял...

Разум отказывался верить, мне все чудилось, что вот-вот я проснусь и пойму, что пришло, что кошмаром утренним сменился обычный сон на земле у костра. Да только, как ни силился, проснуться не получалось! Более того, я чувствовал, будто давит на меня что-то, словно тяжесть каменная - на тело, на разум, на волю. И в вязком мареве, сквозь боль, будто бы поднимая в одиночку каменную глыбу, я из последних сил выпрямил свой меч - единственную надежду и защиту. И был уверен, что волки, словно люди переглянулись!

Вот Горан потешаться будет! Засмеет, если расскажу подобное! Да, что там Горан! Даже Томила, до которого шутки на другой день только доходят, живот надорвет! Но я отчетливо видел, как тот волк, что впереди меня стоял посмотрел на того, который справа. А тот, который справа будто бы кивнул своему соплеменнику и даже растянул в оскале, напоминающем улыбку, свою пасть! И мне тоже вдруг смешно стало - вот ведь ни один человек на земле, наверное, кроме меня, Данияра, наследника князя Черниговского, в минуту смертельной опасности о глупостях таких думать не будет! Всегда отец и матерью удивлялись моей странности, непохожести на других своих детей - спокойных и рассудительных. Вот и сейчас...

- Сумел совладать со своим страхом! Трир, не ошиблись мы - он это!

Теперь я слышал и второго волка! И подумал, что, раз я их мысленный разговор понимаю, то, возможно, и они меня поймут:

- Что вам от меня надо? Я невкусный, лучше коня вон съешьте!

До сих пор стоявший тихо волк, занявший позицию слева от меня, громко фыркнул.

- Дар солнца!

Это он меня называет так? Средний волк продолжал:

- Ты должен пойти с нами! Ты нужен нам! Мы не сделаем тебе ничего плохого! И все объясним!

- Куда, интересно, пойти я должен? В ваше логово? Чтобы там меня загрызли спокойно? Нет уж! Сначала с мечом моим познакомьтесь, - я говорил громко, надеясь, что мои воины услышат и придут на выручку. - Шли бы вы дальше, будто и не встречались со мной!

- Трир, - снова подал голос большой с серым отливом, что справа от меня находился. - Не поймет он! Силой надо! Иначе воины его скоро в себя придут! Помешают нам!

- Заткнись, Дразко! Меня Зоряна послала! Я решаю, что делать!

Пока они ссорились, я попытался занять более выгодную позицию - прислониться спиной к стволу дерева, чтобы отсечь им возможность зайти сзади. Но самый маленький волк с рыжеватой холкой (так чудилось, хотя в полутьме цвета я толком-то и не разбирал!) угрожающе зарычал.

И вдруг где-то рядом с поляной раздался громкий крик. Скорее всего - женский. А вслед за ним - брань, стоны, и даже, кажется, лязг мечей, доставаемых из ножен. Я успел заметить, что двое волков повернули головы в сторону звуков и занес меч, чтобы ударить того, что стоял ближе. Но в эту секунду самый маленький из странных волков, с чуть рыжеватой шерстью легко взвился в воздух и впился зубами мне в шею...

4. Милослава.

Ужасом сжалось сердце, когда сбоку вдруг еще один воин уселся - огромный, косматый, в грязной рубахе, от которой тяжело пахло потом и кровью. Бородатый недовольно загудел, тут же плотнее придвигаясь с другой стороны:

- Ратибор, ты ж спать ушел! Чего вернуться удумал?

- Так женский голосок услышал! Ты ж знаешь, как охоч я до баб! А особенно до таких вот молоденьких, сладеньких!

Толпа, за костром сидящая, стоящая за спинами сидящих, улюлюкала, смеялась, толкалась. А я от страха не разбирала лиц - все они слились в единое пятно. И поняла, один только шанс у меня спастись есть - вот сейчас, когда они препираются, открыто выясняя, кто первый меня за поляну поведет - от костров подальше. Ох, как же мне хотелось прокричать им сейчас, объяснить, что я - не такая! Что в аптеке работаю! Что брат мой там помирает, пока они тут пьют и надо мной изгаляются! И каждый из них однажды может оказаться на его, Бреславовом месте! Да только вдруг поняла, что не нужно это! Что не услышат, а только больше раззадорятся, в одну секунду решившись, плеснула из чашки, сунутой бородатым мне в руки, недопитые остатки косматому и вонючему прямо в бороду, оттолкнула чью-то руку, обнимающую за плечи и одним прыжком отскочила дальше, за пределы круга, что огнем костра ограничен был!

Слышала, как трещит подол юбки, то ли зацепившийся за что-то, то ли схваченный кем из воинов! Но вниз даже не взглянула - рванулась, не понимая, какой части платья своего лишилась. На бегу уворачивалась от чьих-то рук, видела наплывающие, приближающиеся, разнообразные, но все - страшные, все пугающие - лица. И неслась, перепрыгивая через колеса, через чьи-то ноги, вытянутые перед костром, врезаясь в кого-то, отталкиваясь и снова устремляясь в сторону темного, но не страшного, а спасительного сейчас, леса.

И когда врзалась в густые кусты, колючими ветками тут же впившиеся в ноги, которые оголились, не защищаемые теперь оборванной юбкой, поняла, что останавливаться и радоваться рано - за мной бегут, меня преследуют! И не один человек, а несколько - они громко смеялись, они советовали друг другу, как обойти и как схватить меня!

Хотелось обернуться, чтобы понять, сколько их, кто именно бежит следом, но я заставляла себя изо всех сил нестись в сторону аптеки - там моя защита! Там не только Бреслав, сейчас и себя защитить-то неспособный, там другие раненые, кого успокаивала, кого перевязывала, кому пить с ложки давала. Там выздоравливающие, кто заступится, кто просто обязан спасти, защитить. Там не посмеют звери эти меня тронуть!

Никогда еще так быстро не бегала! И казалось мне, что давно уже должна я вблизи аптеки быть, да только впереди виднелся беспросветный, черный лес, и только деревья ровно в шаг от меня как бы выныривали из темноты. А я едва успевала обегать их, уворачиваться от столкновения.

В горле пересохло, а сердце стучало где-то высоко, и стук этот болью отзывался в груди! Дыхания не хватало - казалось, не воздух ловлю открытым ртом, а сам огонь!

- Стой, все равно поймает!

Окрик раздался близко, и я тут же быстрее побежала бы, смогла бы еще ускориться, еще немного сил собрать, да только зацепилась за корень какой-то и полетела кубарем на землю, так больно ударясь спиной, что криком своим, наверное, даже раненых в аптеке разбудив.

И один кто-то, большой, сильный, горой тут же навалился сверху, вышибая остатки воздуха из моего тела, с таким трудом вдыхаемые мною сейчас.

- Поймал! Значит, я первый!

- Тресни ее, чтобы еще раз удрать не посмела!

- Давай быстрее, я тоже хочу!

Видно мне их не было, да и рассматривать я не могла - бородатый пытался целовать, тыча своей бородой в рот. А рука его, грубая, жесткая, резко и быстро задирала платье!

- Прощу, не надо! Отпусти, пожалуйста! Не-е-т! - слезы сами бежали по лицу, хоть я и не хотела этого, хоть и скрипела зубами, силясь освободить зажатые и поднятые вверх, над головой, руки.

- Глупая! Тебе понравится, - вдруг зачем-то зашептал на ухо насильник. - Ты будь со мной поласковее, так я этим двоим не позволю подойти! У меня оружие есть, смогу тебя защитить. А они свои мечи и ножи у костра побросали. Со мной будешь.

Отчего-то на секунду подумалось мне, что все - закончилась моя жизнь, что вот сейчас случится такое, после чего ни к чему ей будет продолжаться! И так мне жаль себя стало, так до ужаса захотелось вернуться в сегодняшнее утро, туда, где я с братом рядом у очага сидела, что я, сама не понимая зачем, вдруг ему сказала тихо, так, чтобы другие не услышали:

- Ладно. С тобой буду. Ты мне больше всех понравился. Только не могу так - на виду у других. Нетронутая я.

И он, уже оголившийся, уже упершийся своей горячей твердой плотью в мой живот, вдруг замер и на секунду отпустил мои руки.

В голове билась одна-единственная мысль: "Где его оружие?" Наитием каким-то, подсознательным пониманием самой сути происходящего, я решила, что именно нужно сейчас делать. Провела ладонями по его лицу, еле сдерживая отвращение, спустилась на плечи - оглаживая, сжимая и разжимая пальцы на тугих мускулах. Зашептала, зажмурившись, сгорая от стыда:

- Ты сильный такой! Ласковый... Как зовут-то тебя?

Чуть поотдавь, где двое других своей очереди дожидались, раздались смешки:

- Ярополк, быстрее давай там!

- Подожди, у них там с разговорами!

- Я тоже с разговорами хочу!

- А я без! А-то еще девка замуж уговорит взять!

Захохотали на весь лес, но не приблизились, остались на месте. А тот, кого они называли Ярополком не остановился, как я просила, но по-другому, нежнее, осторожнее стал гладить и целовать меня. Задыхаясь от ужаса, еле соображая от брезгливого ощущения его бесстыжих прикосновений там, между ног, которые были раскинуты широко по обе стороны от мужика, я только одну мысль и могла удерживать в голове: "Где-то же оружие у него!"

И мне казалось, того, что задумал, не сделал он потому еще, что очень нравилась смелость моя! А более всего, что я сама в ответ обнимаю, глажу его спину. Поэтому, когда моя рука сползла ниже к его животу, к бедрам его, туда, где была развязана веревка, поддерживающая нижнюю часть одежды воина, он замер и плоть его уперлась мне между ног.

Никто и никогда не объяснял мне, что делать, если в такую вот страшную попадешь ситуацию. Но, видимо, я все делала правильно, потому что Ярополк шумно задышал мне в ухо, зашептал:

- Возьми его. Давай сама сделай это!

И я, отвечая на его слова, смело опустила вторую руку, сжав зубы. Одной обхватила твердую подергивающуюся не иначе, как от нетерпения, плоть, а второй нащупала-таки, легко коснувшись простых кожаных ножен, рукоять ножа. Не раздумывая, потянула за деревянную ручку, и так же, без размышлений воткнула клинок куда-то в живот. Он громко застонал. И стон этот был заглушен громоподобным хохотом двух других, ожидавших своей очереди. А я, пока насильник приходил в себя, вывернувшись из-под его тяжести и сначала на четвереньках отползала подальше отсюда, а потом, ухватившись за дерево, встала и побежала прочь. Понимая, что теперь уж, если поймают, не жить мне!

Лязг мечей, доставаемых из ножен где-то за спиной, подсказал, что Ярополк меня обманул - они все вооружены были! И не пощадил бы и отдал потом остальным для надругания! И участь моя все равно была решена! Поэтому и сожалеть о его судьбе нечего!

В темноте запутавшись в высокой траве, я снова упала на колени, но слыша ругань и крики сзади - потеряли, видно, меня, но рядом были совсем, близко - найдут, догонят - вскочила, рванулась изо всех сил и вдруг выбежала на поляну.

Здесь почему-то было светлее, чем в лесу, хотя солнце уже давно село, и ни единый луч его не касался земли. Мои преследователи как будто вдруг отдалились, как если бы ошиблись и в другом направлении вдруг пошли! Их голоса доносились издалека, так, как будто они за стеной очутились! А на поляне в трех шагах от меня стояли, склонившись к раненому, залитому кровью, трое мужчин.

5. Данияр. Дар солнца.

Боль... Что такое боль? Как описать ее? Как объяснить им, что-то говорящим, спрашивающим, что со мной происходит? Где конец её? А-а-а! Не кровь по жилам течет, а огонь - пламя обжигающее, рвущее плоть на кусочки, заставляющее рычать, не стонать, выворачивающее судорогой тело. И горло огнем охвачено - не вздохнуть, не крикнуть! А сердце бьется о ребра так, что того и гляди, прорвет грудину, одним толчком наружу выскочит в рубаху уткнувшись! И ногти, верно от силы, с которой сжимал кулаки, рвут кожу, впиваются в мышцы, тем самым принося еще большие мучения!

Кто-то из своих, из друзей, положил ладонь мне на шею, рану, из которой кровь текла, прижимая. И, повинаясь какому-то странному позыву, с которым даже сквозь боль я безуспешно пытался бороться, ногтями своими, вмиг разжавшимися, выпрямившимися, я полоснул по спасающей меня же руке. Чужой стон боли почему-то не отрезвил, а наоборот, заставил в ярости вскинуться из последних сил, подталкивая причинить человеку боль еще более мучительную! И желание это было страшнее боли, телу причиняемой! Я хотел убить его! Я хочу убить его! Я ничего так сильно не хочу! Но он ведь помочь старался - жизнь спасти, рану мою закрыть!

- Не прикасайся! - прохрипел чужим, страшным голосом, глухим и рокошущим, словно рев звериный.

Испуганные голоса, окружавших меня мужчин, я узнавал. Я понимал, кто находится со мной рядом. И сквозь боль, сквозь пелену ярости, сквозь непонятную дрожь и странную пульсацию, зарождавшуюся где-то внутри тела, где-то в самом животе, я пытался их прогнать, чтобы спасти... От себя самого?

- Данияр! Ох, что ж делать-то? - чуть не плакал всегда спокойный и рассудительный Некрас.

- Священный Яровит, Горан, взгляни на его руки! Что с ним?! - метался рядом Томила.
- Чего они такие страшные - скрюченные, черные. И когти эти...

- Тряпицу какую дайте! Глубоко меня поранил - до самого мяса! - но не только боль, а еще и ужас, от того, наверное, ЧТО перед собой видит, наполняли речь Горана. - Как же помочь ему? Страшно прикасаться! Данияр! Ты меня слышишь? Рану перетянуть надобно! Иначе кровью истечешь!

- Нет! Не прикасайся! - знал, чувствовал, что чужого прикосновения не выдержу, что зубами, ногтями, не мечом, рвать буду! - Уходи!

Не понимал, почему гнал их, ведь помнил, знал, что друзья это!

- Что с ним? - послышался рядом незнакомый женский голос. - Он ранен?

- Мы не знаем, что с ним, - мои друзья отвечали растеряно. - Его волк рвал - прямо в шею вцепился!

- Я могу помочь, - неуверенный испуганный голосок почему-то действовал на меня не так, как голоса друзей. Этот девичий голос обволакивал, утишал боль, даже кровь, казалось, прекратила толчками биться на шее, а текла тоненькой струйкой с того момента, как я почувствовал рядом с собой эту женщину.

- Он странный какой-то! - Горан, не задумываясь, подпустил девушку близко. - Меня ногтями порвал, взгляни! Данияр, ты позволишь перевязать?

Я с трудом разлепил заплывшие, словно меня били по лицу, набухшие веки. Я не видел своих воинов. Но я видел девушку. Словно сияние окружало ее. И я замечал все, что было рядом с ней, все, что к ней относилось - теплый свет, словно солнечный, нимбом подсвечивающий волосы, изодранная грязная одежда, длинные, спутанные волосы цвета спелой пшеницы, испачканное в земле милое личико и огромные синие глаза, устремленные на меня.

- Только она, - прорычал, зная, что отпугну, отдаю своим страшным голосом от себя и неожиданно страшась этого. - Вы отойдите подальше.

- Вот тебе тряпица, - Горан, похоже, был рад переложить свои обязанности на плечи девушки. - Только смотри, осторожно, он какой-то дикий стал, словно волки эти болезнью какой заразили!

- Данияр! - Некрас, в отличие от Горана, боялся передать меня в чужие руки, но и сам пострадать опасался - близко не подходил. - Позволь, девушка тебя перевяжет. Кровь из шеи ручьем льется! Иначе помрешь! Позволишь?

Я не мог понять, почему незнакомую девушку мог подпустить к себе, а своих же воинов, друзей, которых знал с детства, которые прошли со мной огонь и воду, которые росли со мной, не мог! И боль эта... она лишала разума, не позволяла понять, как отреагирует мое тело, когда меня коснутся чьи-то руки. Я не знал эту девушку, и, может быть, поэтому ее мне было не так жалко, как было бы кого-то из своих друзей. А может, и даже, вероятнее всего, я подсознательно понимал, что именно ей не нужно меня бояться, что ее не трону.

- Да-а, - произносил и боялся сам, что могу обмануть. - Она пусть...

А девушка, по всему выходило, не боялась совершенно. Потому что вдруг ловко и быстро, словно делала это каждый день, перетянула рану на шее, касаясь осторожно и ласково, а дальше, вместо того, чтобы отстраниться, отойти, вдруг убрала в сторону ото лба мои волосы, отерла тканью кровь с лица. А потом в полной тишине - воины, похоже, были ошарашены тем, что видят, уселась на землю, устроила мою голову на своих коленях и стала гладить по волосам.

И я не противился. Нет, боль никуда не ушла. Мое тело все также извивалось на земле, порой выгибаясь дугой, порой успокаиваясь. Только даже мысль не мелькнула, даже порыв не возник вцепиться в нежные руки. Наоборот, я не хотел, чтобы девушка отстранялась. И готов был убить всякого, кто попытается забрать ее у меня!

И когда на поляне появились трое вооруженных мужчин, именно я, не глазами, каким-то другим, внутренним зрением, увидел их. Первым. И понял, еще до того, как один из них заговорил, что пришли эти люди за МОЕЙ девушкой!

6. Милослава

Кто эти люди? Одеты не так, как мордва, но и на нашу их одежда не очень похожа. Гладко выбриты, волосы пострижены достаточно коротко - не воюют они, не в лесу живут! Тогда что здесь, недалеко от двух враждующих армий, делают?

Все это промелькнуло в голове быстро, оставив сомнения, но две другие, более важные сейчас, мысли вторглись в разум.

Во-первых, опасны ли эти мужчины для меня, и если нет, встанут ли на мою защиту, когда появятся на поляне насильники?

А во-вторых, что за ранение такое получил их, лежащий на земле, товарищ? Много их - от стрел, от мечей, от ножей, от ушибов всяческих видеть мне приходилось. И страдали от боли раненные по-разному - одни тихо стонали, крепко сжав зубы, другие кричали в голос, заставляя всех окружающих думать, будто им тяжелее других. Хотя порой упорно терпящий, был ранен гораздо тяжелее орущего. Но здесь...

На то, что происходило с мужчиной, лежащим на земле, было страшно смотреть. На первый взгляд, если не смотреть на кровь, текущую по шее, плечам, всему телу, если не видеть рваную рану над его ключицей, я бы сказала, что у него приступ падучей. Деревенский дурачок Юшка часто падал на землю, особенно возле дома старосты, и бился в грязи, в пыли, в снегу, вываливая на бок большой синюшный язык, издавая свист и хрюканье, извиваясь всем телом. Только спустя немного времени, Юшка поднимался и, как ни в чем не бывало, шел дальше, по своим делам, будто и не он совсем недавно валялся на земле.

Этого окровавленного мужчину тоже била дрожь. Он был в сознании и явно страдал от страшной боли, но не кричал и не просил помощи. Страдание его было видно по искаженному лицу, по сжатым в кулаки рукам, по крупной дрожи, которая сотрясала мощное тело. И я отлично понимала, что если кровь, все еще текущую из раны, не остановить вот буквально сейчас, он совсем скоро умрет! Так почему же никто из его товарищей не помогает? Почему все трое смотрят на него со страхом? В то, что взрослые мужчины никогда прежде не видели крови и ран, я поверить просто не могла.

- Что с ним? Он ранен? - я готова была помочь, в глубине души надеясь на ответную помощь.

- Мы не знаем, что с ним, - ответил красивый золотоволосый молодой мужчина, зажимающий рану на своем запястье. - Его волк рвал - прямо в шею вцепился!

- Я могу помочь, - голоса моих преследователей раздавались совсем близко. Странно, но рядом с этими непонятными, впервые увиденными чужаками я чувствовала себя в гораздо большей безопасности, чем там, с воинами из собственного княжества. Хотя после всего со мной произошедшего, наверное, где угодно, будет не так страшно, как там, возле шатра князева!

- Он странный какой-то! - золотоволосый осторожно подтолкнул меня ближе к раненому и только тут я поняла, что с несчастным происходит нечто непонятное, нечто пугающе странное. То и дело по лицу его пробегает судорога, как бы меняя, искажая черты лица, как-то странно, едва заметно вытягивая его, уродуя. Заметив, что я попятилась назад, мужчина за моей спиной честно продолжил. - Меня ногтями порвал, взгляни! Данияр, ты позволишь перевязать?

И тут раненый открыл глаза и посмотрел на меня. И столько неподдельного страдания было в темных глазах его, что я, не раздумывая, шагнула ближе.

- Только она, - не сказал - прорычал он. И в голосе, в грозном рыке этом человеческого, обычного, было меньше, чем звериного, однако, слова разобрать было возможно.

Что же происходит с ним? Страх и жалость смешались в моей душе, и выхватив протянутый мне кусок ткани, я спокойно и уверенно, как учила Рогнеда в аптеке, чуть приподняв его голову, перетянула рану на шею. Тряпица была достаточно широка - длины ее хватило на три оборота. Подумав, оторвала кусок своей нижней юбки, стыдливо отвернувшись от мужчин, и еще раз обернула рану, чтобы, сдерживаемая тугой плотной повязкой, быстрее запеклась, свернулась кровь.

Краем уха я слышала, что насильники еще не потеряли надежду меня схватить. Более того, поблуждав в сумеречном лесу, они тоже вышли к этой поляне. И почему-то лучшего места, чтобы укрыться от них, чтобы спрятаться, чем сесть возле раненого, положив его голову себе на колени, я придумать не смогла. И он не сопротивлялся! Более того, как-то притих, успокоился, даже дрожь его немного стихла, а на лбу, куда я положила ладонь, выступила испарина, будто жар спал, покинул изможденное тело!

Воины, услышав приближение чужих людей, похватили свое оружие и обернулись туда, откуда доносились злые голоса и ругань.

И вот на поляну выскочили трое тех, кто гнался за мной. Причем тот, кого насильники называли Ярополком, кого я ранила его же собственным ножом в живот, прижимая к месту где-то под ребрами руку, был вместе с ними! И, если вбивая нож в его тело, я на долю секунды и испытала муки совести - думая, что человека убиваю, то теперь ощутила только чувство горечи от того, что ранение это оказалось несерьезным!

Преследователи мгновенно оценили ситуацию и мне показалось вначале, что они вот-вот просто развернутся и вернутся назад к своим, оставив меня. И они, действительно, уже было повернулись, уже попятились обратно, заметив в руках непонятно откуда взявшихся в лесу незадавших мужчин мечи. Да только Ярополк вдруг резко остановился и сказал:

- А ну-ка иди сюда, подстилка солдатская!

- Уходите подобру-поздорову отсюда! - зло выкрикнул золотоволосый.

- Эта баба - жена моя! Отдайте, и мы вас не тронем! - соврал Ярополк.

- Нет! Я не жена ему! - я попыталась было встать с земли, чтобы убежать, в случае если меня сейчас решать отдать насильникам.

Золотоволосый, видимо, на правах старшего, сказал:

- Ежели жена, то отчего ты ее с мечом в руках по лесу гоняешь? Да еще и с помощниками?

- А это - наше с ней дело! Уйди с дороги!

Золотоволосый чуть попятился назад. И я поняла, что зря надеюсь на помощь от этих людей. Но в тот момент, когда я, встав на четвереньки, постаралась отползти, укрыться, спрятаться в траве, боясь и понимая, что меня сейчас просто передадут, как вещь, с рук на руки, в этот момент раненый подхватился с земли, неожиданно быстро и ловко, будто не он только сейчас был чуть ли не при смерти.

И замерев от ужаса, зачем-то закрыв руками голову, сквозь пальцы я смотрела на то, как высокий широкоплечий, крепкий мужчина в каком-то нелепом, резком и неловком движении вдруг бросился плашмя на землю и изворачиваясь, извиваясь всем телом неожиданно начал меняться у меня на глазах, у всех на глазах! Одежда его трещала и рвалась по швам. Сам он при этом издавал странные пугающие и ревушие звуки. Руки и оголившиеся ноги его вдруг начали покрываться шерстью. Но самое страшное - это то, что происходило с его лицом! Лицо это, показавшееся мне удивительно красивым для мужчины, лицо, которое я успела разглядеть и даже погладить, удерживая голову раненого на коленях, вдруг заострилось, вытянулось, превращаясь в пасть, напоминающую волчью!

Меня вдруг замутило и, непроизвольно согнувшись, я ухватила за живот, потеряв из вида страшное существо, которое стояло в самом центре поляны в точности посередине между мною и всеми остальными. А когда, содрогаясь от ужаса, я выпрямилась, не зная, что мне

делать и кого теперь бояться больше, на том месте стоял огромный черный волк с красными сверкающими глазами!

7. Данияр.

Самое ужасное - я понимал, что со мной происходит. Еще до того, как вооруженные чужаки выбежали на поляну и предъявили права на девушку, еще до того, как бешеная ярость ослепила болезненной вспышкой мозг, я понял - вспомнил рассказы Любицы, материной тетушки об оборотнях, о волках, якобы живших когда-то в наших лесах. Сказывала она, что волки эти могут отдавать приказы людям и себе подобным мысленно. Что способны создавать таких же, как они сам оборотней с помощью укуса, который выдержать и пережить может далеко не каждый.

Сквозь боль и ужас, сквозь страх и горькое понимание, что в любом случае, жизнь моя окончена, даже если не закончится она в известном смысле этого слова, я чувствовал одну, самую важную для себя потребность, ясную, как день истину - во что бы то ни стало я должен защитить, заслонить собой эту девушку.

Отчего и почему так нужно, я не думал в тот момент, когда почувствовал слабость в своих друзьях, когда увидел, как забияка и вечный драчун Горан почему-то ступил назад, отказываясь скрестить меч с грязным, дурно пахнущим и говорящим неправду воином.

Все мышцы в теле моем напряжились, растворяя боль, наполняя меня всего первобытной силой, отдающей звоном в голове. Легко, будто и не был укушен, будто не я только что без сил, страдая от сильнейшей боли, метался по земле, я вскочил на ноги, чтобы тут же, как от толчка в спину, упасть на четвереньки.

Да, я понимал, что со мной происходит, но при этом не сопротивился этому, не сопротивлялся вовсе, зная отчего-то, что именно так и должно сейчас быть! Мне было страшно и больно, когда выворачивались суставы, когда менялось, разрывая кожу, лицо. И я кричал на весь лес, но при этом слышал только глухой рев обезумевшего от ярости зверя.

По-другому я видел теперь все, что меня окружало. Мир вокруг стал черно-белым, но при этом яркими огненными пятнами светились впереди силуэты убегающих чужаков. И перед тем, как развернуться в их сторону, чтобы одним огромным прыжком нагнать и повалить на землю последнего, я обернулся и взглянул на девушку.

И другой болью, раздирающей на части душу, полоснуло, словно плетью от ее вида. Она пятилась назад, выставив руки, словно ладонками своими могла защититься от такого чудовища, как я. В темноте, накрывшей поляну, я хорошо видел ее взгляд, полный отвращения и страха.

- Как? Объясни мне, Горан, как мы положим его на лошадь, если кони и на аршин приблизиться с Даном в руках не дают? Ты что не видишь?

- Томила, сколько раз говорить тебе - воду носи! Смоем с него кровь сначала. Запах кровавый кони чуют, вот и рвутся прочь!

- Его они боятся! Его, не крови!

- И что прикажешь делать? Бросить Дана?

- Сдурел ты что ли? Как так - бросить? Что-то другое придумать надобно, - Томила явно сам сомневался в своих словах. - Хотя Дан ли это теперь или монстр, я не знаю...

- А что если он снова зверюгой такой станет? Что если и нас, как того воина, растерзает? - в голосе Некраса хорошо слышался страх.

- А может, волокушу сделаете? - тоненький голосок окончательно привёл меня в чувство. Почему-то подумалось, что она не ушла, не сбежала, не бросила... меня... пока. Оборвал свою неуместную, глупую радость - вполне возможно, не ушла только потому, что некуда ей деться, что страшно одной в ночном лесу. А рядом с воинами моими спокойнее. - Ратмир, лекарь наш для раненых, которых далеко нести надобно, всегда заставляет волокуши делать.

- Волокушу? А что, это можно! - Горан в мое отсутствие взял командование в свои руки.
- Некрас, Томила, давайте! Тащите ветки подлиннее, пока совсем не рассвело.

Я сел и огляделся. Все та же поляна. Все то же поваленное дерево. И я - все тот же, обычный... человек! Да, весь в крови. Моя кровь или тех, кого я убивал? Меня мучило странное двоякое чувство - я помнил обрывки вчерашнего вечера, помнил многое: волков, укусы, боль, девушку, воинов, пришедших за ней. А еще я помнил свои ощущения: проклятую боль в первую очередь, потом облегчение, дарованное ее руками, потом нежелание отдавать ее, бешеную слепящую ярость, снова боль, страх... А вот того, как я убивал, я не помнил. Словно самое мерзкое и страшное, моя память услужливо стрела. Прикоснулся к горлу, к перевязанной девушкой ране, и не почувствовал боли. Уже догадываясь, потянул за кончик тряпицы и легко размотал.

- Стой! - то, что она подходит сзади я знал. Более того, каким-то шестым чувством, когда она только сделала шаг от Горана в мою сторону, я не видя, уже понимал, куда именно она пойдет! А еще я лежал на другом конце поляны, но отлично слышал разговор! Только в данный момент, не зная себя, не имея уверенности в том, что не причиню вред, я боялся подпускать к себе близко кого бы то ни было. - Не подходи! Я могу быть опасен!

Она остановилась в паре шагов и, забыв, что хотел пощупать рану на шее, с поднятой вверх рукой я застыл, рассматривая девушку, которая точно также внимательно рассматривала меня.

Обычная девушка. Симпатичная. Грязная. Растрепанная. Высокая. Светловолосая. В простом крестьянском платье. Да нет же! Не обычная! Красивая! Немного испачканная, но это вовсе ее не портит! И волосы так красиво струятся по плечам! Стройная. Голубоглазая, как большинство радимичей.

- Дан, позволь я посмотрю твою рану.

Мое имя в устах этой девушки звучало необычно, мягко, ласково. Интересно, как много эти олухи успели обо мне рассказать? Впрочем, в коротком дружеском имени - Дан, как ко мне обращались друзья, вряд ли можно было признать наследника черниговского князя с редким именем - Данияр! Поэтому, возможно, мои воины правы, что называли меня при ней именно так. Хотя... нужно ли мне теперь скрывать собственное происхождение, если я стал таким... разве теперь я имею право вернуться домой?

- Не боишься?

Я не хотел пугать ее. Но сам не знал, как поведу себя. Только она смотрела как-то странно - без страха совершенно. Даже заинтересовано.

- Не боюсь.

- Та-ак. Ты хочешь сказать, что я не убил тех воинов, что пришли за тобой?

- Одного. Да, убил. Но...

- Я не знаю, в какой момент снова стану таким. Ты знаешь? - она разозлила меня. Бесстрашная дурочка! Неужели не видит, что я не человек? Неужели не видит, что я опасен? Зачем так упорно тянет ко мне руки? Зачем... почему мне так хочется, чтобы эти руки все-таки коснулись моей кожи, раны, повязки - чего угодно, только бы ближе... еще ближе... - Стоп! Ни шагу больше! Я не хочу, чтобы ты потом являлась мне в кошмарах!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.